

Налётова Н.Н.
ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕТРА МСТИСЛАВЦА
В ПОВЕСТИ «МСТИСЛАВЦЕВ ПОСОХ» Э. ЯЛУГИНА

Значительную роль в формировании историко-культурной репутации знаменитых белорусских деятелей играют историки, художники, скульпторы, композиторы и, несомненно, писатели (поэты, прозаики, драматурги). Поэтому очень важно, чтобы авторская интерпретация не искажала общеизвестных фактов об исторических личностях и особенностях их эпохи, была мотивирована стремлением открыть новые стороны характера или судьбы известного человека. Изображение выдающихся деятелей конкретной эпохи требует от мастеров слова значительного заглупления в историко-культурные пласты прошлого, исследования различных документальных источников (например, летописей, хроник, житий, мемуаров и т.д.), способных помочь автору в создании образа человека прошлого. Однако, при написании того или иного литературного произведения о прошлом, даже опираясь на данные исторической науки, писатель по объективным причинам вынужден использовать художественный вымысел. Писатель одновременно должен выразить свое понимание известной личности и стремиться к историко-культурной мотивированности в изображении событий и персонажей. Понятно, что художественная реконструкция прошлого сопряжена с дилеммой пропорционального соотношения вымысла и документа, правды и вымысла.

Исследователь исторической прозы О. К. Шинкоренко среди особенностей исторического жанра выделяет в качестве доминантных следующие: *раскрытие закономерностей исторического процесса в перспективе общественного развития; документальность основы; обусловленность вымысла естественным ходом событий; отображение в произведении исторической концепции автора, изображение связи между прошлым и современностью как исторической преемственности; характерная эмоциональная тональность, которая достигается через раскрытие таинственности прошлых времен; стремление выявить морально-этический смысл прошлого* [4, с. 101].

Целью нашего исследования является выявление особенностей художественной репрезентации личности и деятельности знаменитого восточнославянского гравёра, типографа XVI века, соратника первопечатника Ивана Фёдорова в русскоязычной повести «Мстиславцев посох» (1970–1977) Э. В. Ялугина.

Как справедливо отмечают А. В. Русецкий и Ю. А. Русецкий, творчество писателя и публициста Эрнеста Васильевича Ялугина, «подчинено осмыслению одной магистральной темы – история родной Беларуси и её влияние на духовное развитие личности, формирование её миропонимания» [3, с. 169]. Действительно, очерки о белорусских деятелях науки и культуры, повести «Мстиславцев посох...» (1971), «Последний князь» (1977) и «Без эпитафії» (1989), а также романы «Алжырская пастка» (2004), «Иди и говори» (2006), «Перад Патопам» (2013) свидетельствуют о преобладании в его творчестве исторической тематики и о попытке автора постигать отечественное прошлое. По утверждению О. К. Шинкоренко, миссия исторической прозы и заключается в том, чтобы «приобщить современника к истокам, к древним корням, к памяти, а также к пониманию того, что история является одним из наиболее коротких и эффективных путей к национальному, а значит, и личностному, самооткрытию» [4, с. 104].

В повести «Мстиславцев посох» Ялугин использует следующие художественные принципы индивидуализации образа Петра Мстиславца: портретная и развернутая психологическая характеристика, описание одежды и т. д. Напомним, к примеру, описание внешнего вида и одежды главного героя: «За зиму Петрок крепко вытянулся, но был тощ, и ставший уж коротким зипун болтался на нем, как на вешале» [5, с. 132].

Психологическое состояние будущего типографа, его мировосприятие, активная гражданская позиция, религиозные взгляды раскрываются в повести с помощью внутренних монологов, диалогов, приёма противопоставления: «А Петроку свет не мил» [5, с. 258]; «... находит Петрок себе горестное утешение в речениях “Экклезиаста”» [5, с. 258]; «Стоял он весь похолодевший: в один миг рушились все его задумки – вместо печатни и книжного дела предстояло теперь долгие годы быть холопом Белого, мокнуть и мёрзнуть на дорогах, приглядывая за бога-

тыми Апанасовыми обозами» [5, с. 266]; «Неужто нет на свете справедливости? Стало быть, и верить никому нельзя? <...> Как же быть, если не у кого искать опоры?» [5, с. 258]; «А и велика же земля наша. Не раз хотелось все это намалевать краской либо на березовой пластине выжечь» [5, с. 241]; «Отец небесный завещал нам в равенстве и братстве жить. Особливо же наместников своих на земле, пастырей наставлял – пример показывать смиренным житием и всеми делами. Но хранится ли завет? И ты сам сказал: в обители равенства нет. Где же ему быть и быть тогда? Где?» [5, с. 256].

Любознательность главного героя, его стремление постичь тайны художественного творчества, а также сложное материальное положение после внезапной смерти отца, предприимчивого купца Тимофея, по мнению прозаика, стали определяющими факторами при выборе будущего рода деятельности Петра Мстиславца: «Добытчик! То мазилкой к иконописцам пристал, краски тер, а с зимы в резчики подался, пригодились отцовские снасти. Купец Перфилка Григорьев сговорил доски набойные вырезать – у добрых мастеров-то не спешит покупать, те себе цену знают. Перфилка даже в Смоленск доски сбывает» [5, с. 133–134]. Не только нужда, но и стремление к новому, прекрасному определяли его выбор: «Петрок, может, и не стал бы резать, однако в доме случалось и по праздникам без скоромного сиживать. В хлебной клети мышам делать нечего – пусто. Да и самому любопытно резать. Иной раз идет вдоль торговых рядов, смотрит товары, что разложили купцы на прилавках, выставили на вешалках, и вдруг остановится, вздрогнет, а дыханье так и замирает сладко – дивный узор на ткани отбит. И уж наблюдает полдня потом, мается – вот бы так сделать» [5, с. 134].

Психологическая атмосфера в семье после неожиданной смерти отца, по мнению писателя, оказала огромное влияние на характер будущего типографа: «Всегда он побаивался быть высмеянным, все помалкивал. Наложила-таки печать свою безотцовщина, незаступность» [5, с. 173]. Но, несмотря на все испытания, Пётр Мстиславец сохранил чувство собственного достоинства, что выявляется, к примеру, в его отношении к Сымону, сыну Апанаса Белого: «Один Петрок держался против купеческого сынка твёрдо, ни в чём спуску не давал» [5, с. 219].

Автор акцентирует внимание на патриотизме Петра Мстиславца, сформированном во многом под влиянием его дяди – строителя Василя Поклада, по мнению которого, «надобно людям напоминать мощней о вере да месте, где народились. Ибо не тварь они бессловесная, которую всяк, у кого кнут в руке окажется, может в свой хлев загнать» [5, с. 144].

Э. Ялугин акцентирует внимание на тяге Мстиславца к знаниям (замечания типа «сметливый да прыткий до науки» [5, с. 212], «грамоту затвердил крепко и уважение к книгам имел великое» [5, с. 219], «Петрок не был в обиде, если и попадало – абы грамоту одолеть наилучше» [5, с. 242], «ученый грамоте» [5, с. 265]), а также на таких чертах характера героя, как любознательность, сообразительность, усидчивость, целеустремленность, решительность, трудолюбие. Много времени послушник проводил в свиточной келье Пустынского Успенского монастыря, изучая книги Библии, древние рукописи, в том числе знаменитый литературный памятник XII века – «Поучение Владимира Мономаха детям»: «Петрок взял рукописный свиток, развернул его, с трепетом ощутив под пальцами гладкую прохладу древнего пергамента. Медлительная вязь букв, где в большую были вписаны и меньшие, складывалась в мудрые слова» [5, с. 219].

По версии прозаика, Пётр Мстиславец был знаком и с «Псалтырью» знаменитого восточнославянского первопечатника, просветителя, учёного, переводчика и писателя-гуманиста Франциска Скорины, которая оказала огромное влияние на мировосприятие юного мастера: «Ещё ни в одной книге не встречал он такого задушевного слова к тому, кто станет читать, казались книги оттого пришельцами из далёкого чужого мира. А мастер Скорина не как пророк гневный и устрашающий глаголет, а ... Не для устрашения, но для размножения добрых обычаев и научения мудрости тиснул он книгу свою. <...> Но вот же мастер Скорина надруковал то, что написал он сам, а не святые апостолы. Как осмелился поставить рядом своё слово с апостольским?» [5, с. 242].

Учитывая белорусское происхождение Петра Мстиславца, исследователи даже выдвигали гипотезу о непосредственной связи книгопечатника с Ф. Скориной (возможно, был учеником или работал в его типографии) [2, с. 427], которая нашла отражение в повести Э. Ялугина. Так, в проанализированном произведении присутствует маловероятная сцена встречи этих выдающихся культурных деятелей в 1530 году в Вильно, что, несомненно, является плодом фантазии

Ялугина. В общем же, автору удалось исторически точно изобразить общественно-политическую и религиозную ситуацию в ВКЛ в первой трети XVI века, внешнюю политику польского короля Жигимонта I.

Отметим, что одним из требований, предъявляемых к исторической прозе, является наличие в произведении образов реальных исторических личностей. Так, в повести Э. Ялугина, кроме Петра Мстиславца, присутствуют и другие известные исторические личности XVI века: Александр Ягеллончик, Жигимонт I, Бона Сфорца, Микола Радзивилл, Константин Острожский, Мартин Лютер и др. Как справедливо отмечено прозаиком, Мстиславец был связан со знаменитым русским просветителем, основоположником книгопечатания в России и в Украине Иваном Фёдоровым, а также издателями и общественными деятелями ВКЛ Кузьмой и Лукой Мамоничами. Напомним, что на средства последних в 1574 году была основана типография в Вильно. Типография братьев Мамоничей имела важное общественное и культурное значение на белорусских землях, способствуя развитию просвещения и книгопечатания.

Значение проанализированной нами повести исследователи А. В. Русецкий и Ю. А. Русецкий сформулировали следующим образом: «Художественно воссоздавая исторические реалии Средневековья, связывая и пропуская их через образ Петра Тимофеевича Мстиславца, Э. Ялугин <...> позвонил в колокол исторической памяти белорусов, который вместе с другими писателями, поэтами, драматургами создал мощное духовное поле возрождения национального самосознания, подлинного интереса белорусского народа к своей драматической и многотрудной вековой истории» [3, с. 174].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в повести «Мстиславец посох» репрезентация знаменитого деятеля белорусской культуры XVI века обусловлена субъективными авторскими представлениями о нём. По мнению Э. Ялугина, Пётр Мстиславец с детства был любознательной, усидчивой, решительной, трудолюбивой и, несомненно, высоконравственной и одарённой личностью, оставившей свой след в истории книгопечатания. В трактовке Э. Ялугина, выдающаяся личность вбирает в себя дух времени и пытается определить свое время. Осмысление в повести личности Петра Мстиславца во многом опиралось на ценностную шкалу времени создания произведения, потому что в повести акцентируется демократизм главного героя, присутствует мотив антиномии бедности и богатства.

1. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1974. – Т. 17 : Моршин-Никиш. – 616 с.
2. Галенчанка, Г. Я. Мсціславец Пётр Цімафеевіч / Г. Я. Галенчанка // Францыск Скарына і яго час : энцыклапедычны даведнік / Беларуская Савецкая Энцыклапедыя; рэдкал. тома І. П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1988. – С. 427–428.
3. Русецкий, А. В. В атмосфере художественного поиска и стиливого многообразия. Творчество витебских литераторов во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов : монография : в 2 ч. / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2012. – Ч. 1. – 362 с.
4. Шынкярэнка, В. К. Гістарычны жанр як адметная літаратурная адзінка / В. К. Шынкярэнка // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2002. – № 4. – С. 101–105.
5. Ялугин, Э. В. Мстиславец посох : историческая повесть: для ст. шк. возраста / Э. В. Ялугин. – 2-е изд., доп. – Минск : Маст. літ., 1978. – 272 с.

Болтрушевич Н.Г.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕПАРХИЙ БПЦ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Религиозное возрождение белорусского общества, начавшееся ещё в период перестройки, продолжается и в настоящее время. Непосредственными источниками по изучению истории становления Белорусской православной церкви Московского Патриархата, количественный рост её епархий и общин в начале 1990-х гг. являются фонды Национального архива Республики Беларусь. Так, в частности фонд 136 – Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь – содержит сведения о законах, постановлениях и распоряжениях СМ СССР и СМ Республики Беларусь, относящиеся к деятельности религиозных организаций на территории Беларуси, информацию о состоянии религиозности в республике, ко-